

Елабужское отделение
Русского Географического
Общества

Елабужский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

В.Н.Белов

«Кавалерист-девица» глазами современников

***Библиографическое исследование
печатных источников XIX – начала XX вв.
о Надежде Андреевне Дуровой***

Издание Елабужского Отделения
Русского Географического Общества

ЕЛАБУГА 2014

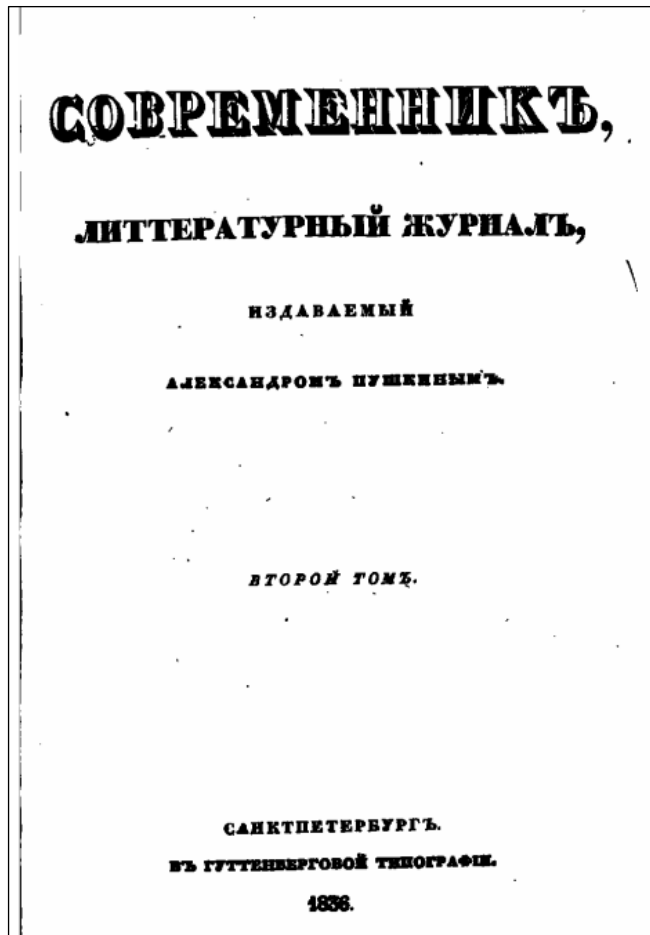
1.1. Современник. Литературный журнал, издаваемый А. Пушкиным. Т.2. СПб., в Гуттенберговой типографии, 1836 стр. 53-54²

**ЗАПИСКИ Н.А.ДУРОВОЙ
Издаваемые А. Пушкиным**

Modo vir, Modo foemina

В 1808 году молодой мальчик, по имени Александров, вступил рядовым в Конно-Польский Уланский полк, отличился, получил за храбрость солдатский Георгиевский крест, и в том же году произведен был в офицеры в мариупольский Гусарский полк. В последствии перешел он в Литовский уланский, и продолжал свою службу столь же ревностно, как и начал.

По-видимому все это в порядке вещей и довольно обыкновенно; однакож это самое наделало много шума, породило много толков и произвело сильное впечатление от одного нечаян-

² Предисловие к первой публикации части «Записок» Н.А. Дуровой, написанное издателем журнала «Современник» – Александром Сергеевичем Пушкиным. Оно вошло и в последующие посмертные собрания сочинений поэта. Данный текст печатается по первоисточнику 1836 года издания., - В.Б.

но открывшегося обстоятельства: корнет Александров был девица Надежда Дурова.

Какие причины заставили молодую девушку, хорошей дворянской фамилии, оставить отеческий дом, отречься от своего пола, принять на себя труды и обязанности, которые пугают и мужчин, и явиться на поле сражений – и каких еще? Наполеоновских! Что побудило ее? Тайные, семейные огорчения? Воспаленное воображение? Врожденная, неукротимая скромность? Любовь?... Вот вопросы, ныне забытые, но которые в то время сильно занимали общество.

Ныне Н.А. Дурова сама разрешает свою тайну. Удостоенные ее доверенности, мы будем издателями ее любопытных записок. С неизъяснимым участием прочли мы признания женщины, столь необыкновенной; с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером быстрым, живописным и пламенным. Надежда Андреевна позволила нам украсить стр. Современника отрывками из журнала, ведённого ею в 1812-13 году. С глубочайшей благодарностью спешим воспользоваться ее позволением.

Изд.

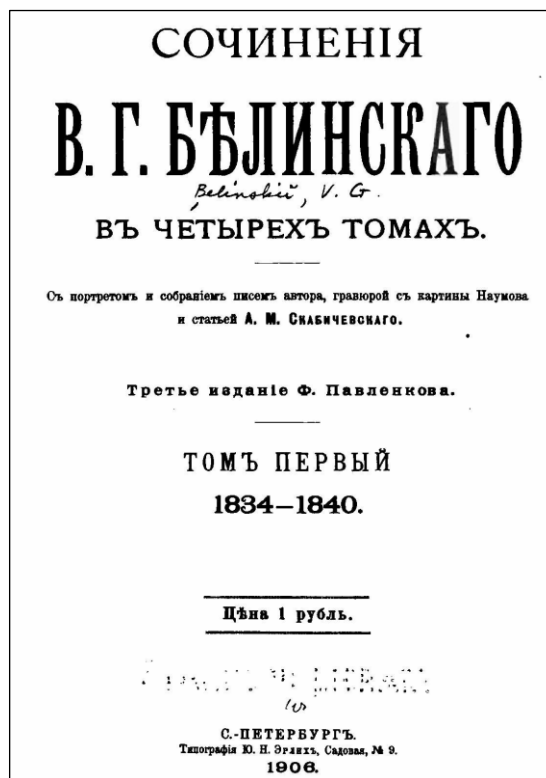

1.2. Белинский В.Г. Сочинения В.Г. Белинского в четырех томах. Третье издание Ф. Павленкова. Том первый. 1834-1840. СПб., Типография Ю.Н. Эрлих, 1906 стр. 750-751³

Раздел II. Библиография, стр. 750 – 751

Записки Александрова (Дуровой). Дополнение к «Девуце-кавалеристу». Москва, 1839 (Отрывок).

В 1839 (*Опечатка в оригинале, правильно в 1836 – В.Б.*) году появился в «Современнике» отрывок из записок Девуцы-кавалериста. Не говоря уже о странности такого явления, литературное достоинство этих записок было так высоко, что некоторые приняли их за мистификацию со стороны Пушкина. С тех пор литературное имя Девуцы-кавалериста было упрочено. Она издала «Девуцу-кавалериста», потом «Год жизни в Петербурге», а теперь вновь является на литературную арену с дополнениями к «Девуце-кавалеристу». Прежде, нежели мы увидели эту книгу, мы прочли в одном из №№ «Литературных Прибавлений» прошлого года отрывок из нее, в котором Девуца-кавалерист описывает свое детство: Боже

³ Виссарион Григорьевич Белинский был постоянным рецензентом работ Надежды Андреевны. Его рецензии печатаются в настоящем сборнике как по публикациям периодической прессы 1830-х-1840-х гг., так и по его собраниям сочинений, изданным до 1817 года – как в данном случае. Здесь мы приводим две рецензии: большая статья про «Записки Александрова – Дополнения к «Кавалеристу-девуце» и небольшая заметка по поводу первой публикации «Записок...» в журнале Современник., - В.Б.

мой, что за чудный, что за дивный феномен нравственного мира героиня этих записок, с ее юношеской проказливостью, рыцарским духом, отвращением к женскому платью и женским занятиям, с ее глубоким поэтическим чувством, с ее грустным, тоскливым порыванием на раздолье военной жизни из-под тяжелой опеки доброй, но не понимающей ее матери! И что за язык, что за слог у Девушки-кавалериста! Кажется, сам Пушкин отдал ей свое прозаическое перо, и ему-то она обязана этой мужественной твердостью и силой, этой яркой выразительностью своего слога, этой живописной увлекательностью своего рассказа, всегда полного, проникнутого какой-то скрытой мыслью. Глубоко поразила нас этот отрывок, и по выходе книги мы вновь перечли красноречивые и живые страницы дико-странного и поэтического детства Девушки-Кавалериста. Мы приняли глубокое участие в ее потере Манильки и Тетери, равно как и всего, что любила она в детстве и что вырывала у ней злая судьба, как бы закаляя ее сердце для того поприща, на которое готовила ее; вместе с ней мы полюбовались ее Алкидом, гладили его по крутой шее, чувствовали у щеки своей горячее дыхание его пламенных ноздрей... Жизнь и странное поприще героини «Записок» поясняются несколько ее молодостью; но ее детство – это богатый предмет для поэзии и мудреная задача для психологии. Не все места в «Записках» так интересны, как «некоторые черты из детских лет», но нет ни одного незанимательного, неинтересного.

В середине «Записок» выпущен огромный рассказ, помещенный в «Отечественных Записках» под названием «Павильон». Для «Отечественных Записок» это очень выгодно, но для «Записок Александрова» это очень невыгодно. Поговорим об этой прекрасной повести. Прежде всего скажем, что она очень растянута, без чего ей не было бы цены, не как художественному произведению, но как в высшей степени мастерскому рассказу истинного события.

Глубокое и резкое впечатление производит этот рассказ, за исключением излишнего обилия подробностей и некоторой растянутости, так энергически и с таким искусством изложенный!... Этот безрассудный отец, самовольно определивший своему сыну противное его духу поприще и за то проклинаящий его труп за страшное злодеяние; этот молодой ксендз, с его глубокой душой и вулканическими страстями, усиленными воспитанием и уединенной жизнью, - страстями, которые без этого может быть прониклись бы светом мысли и возгорелись бы кротким огнем чувства, а могучая воля устремилась бы на благое и в благой деятельности дала бы плод сторицей: какие два страшные урока!.. Не доказывает ли первый, что нравственная свобода человека священна: отец Валериан еще в детстве обрек его служению алтаря, но Бог не принял обетов, произнесенных бессознательным и недоброжелательным повиновением чуждой воле, а не собственным стремлением выполнить потребность своего духа и в этом выполнении обрести свое блаженство. Не доказывает ли второй, что только чувство истинно и достойно человека; но что всякая страсть есть лож, заблуждение, грех?.. Чувство не допускает убийства, крови, насилия, злодеяния, но все это есть необходимый результат страсти. Что такое была любовь Валериана? – страсть могучей души и, как всякая страсть – ошибка, обман, заблуждение. Любовь есть гармония двух душ, и любящий, теряясь в любимом предмете, находит себя в нем, и если, обманутый внешностью, почитает себя не любимым, то отходит прочь с тихой грустью, с каким-то болезненным блаженством в душе, но не с отчаянием, не с мыслью о мщении и крови, обо всем этом, что унижает божественную природу человека. В страсти выражается воля человека, стремящаяся, вопреки определениям вечного разума и божественной необходимости, осуществить претензии своего самолюбия, мечты своей фантазии или порывы кипящей своей крови...

А эта милая, прекрасная Лютгарда! – Страшен конец ее, но мысль о нем не леденит души: не вотще жила Лютгарда – она могла бы дать о себе эту поэтическую весть с того света:

... Я все земное совершила,
Я на земле любила и жила.

Да, повторим еще раз: повесть «Павильон» представляет собой прекрасное содержание, увлекательно и сильно, хотя местами и растянуто изложенное, обличает руку твердую, мужскую.

1.3. Белинский В.Г. Сочинения В.Г. Белинского в четырех томах. Третье издание Ф.Павленкова. Том первый. 1834-1840. СПб., Типография Ю.Н. Эрлих, 1906 стр. 806

Раздел: «Журнальная всячина» столб. 806

«... Теперь о прозе. Здесь замечательна статья «Записки Н.А.Дуровой, издаваемые А.Пушкиным». Если это мистификация, то, признаемся, очень мастерская; если подлинные записки, то занимательные и увлекательные до невероятности. Странно только, что в 1812 году могли писать таким хорошим языком, и кто же еще? женщина; впрочем может быть они поправлены автором в настоящее время. Как бы то ни было, мы очень желаем, чтобы эти интересные записки продолжались печататься...»

1.4. Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. Том двадцатый. Издание книгопродавца Александра Смирдина. Санкт-Петербург, в типографии Эдуарда Праца и К^о. 1837

Раздел VI. Литературная летопись. Стр.3-4⁴

Кавалерист-девица. Происшествие в России. Издал Иван Бутовский. СП.-бурге, в тип. Военной, 1836, в-8. Две части, стр. 289-299.

Вы, верно, слышали, - кто этого не слышал? – что какая-то девушка – дворянка находилась в Русской военной службе, славно билась с врагами, отличилась на поле битв, получила царское позволение оставаться в мундире, которому она приносила честь, и была наконец украшена Георгиевским крестом. Вот это записки нашей Русской амазонки. Прочитайте «Девуцу-кавалериста», и увидите, что это правда. Сочинительница пересказывает свое горестное детство, свой побег из отцовского дома, свою кочевую, бивачную жизнь, ведет в сечу битв, - и каких еще битв! И вот мы с ней в кабинете Русского Царя, ангела-утешителя героини.

⁴ Небольшая рецензия в одном из популярнейших литературных журналов Первой половины XIX века. К сожалению – не подписанная., В.Б.

Все это так необыкновенно, неожиданно, что можно почесть весь рассказ мистификацией.

Записки писаны, вероятно, самою героинею, и слог их – прелесть. Умно, живо, пламенно, и, что всего лучше, - под гусарским ментиком, под уланским мундиром, видна везде тонкая наблюдательность женщины. Мы уверены, что если бы г-жа Дурова стала описывать похождения других так, как она умеет пересказывать свои собственные, она была бы автором весьма примечательных романов.

1.5. Северная пчела. Газета политическая и литературная, № 255, Четверток, 10-го Ноября 1838⁵.

Русская литература.

197. *Год жизни в Петербурге.* Соч. Александрова. СПб, в типографии А.Воейкова и Компании, 1838, в мал. 8, 202 стр.

Когда появилась в свет книга: *Кавалерист-Девуца* – многие не поверили (а многие и ныне не верят) в истину события. Правда, были прежде, лет за 25, слухи о том, что девушка служила в уланах и гусарах, но слухи эти затихли и были причислены к обыкновенным выдумкам праздных людей. Те, которые знали доподлинно (в том числе и пишущий эти строки), что сперва в Польском уланском, потом в гусарах и, наконец, в Литовском уланском полку, служила благородная девушка, получила офицерский чин и георгиевский крест, не знали, что с нею случилось и почитали ее умершею. С удивлением узнали все, что эта девушка, снискавшая уважение русских воинов, своею храбростью и благородством характера – жива, и издала свои *Записки!* Мы думали, что этих Записок разойдется, по крайней мере, 20 000 экземпляров, соразмеряя по числу грамотных людей

⁵ Печатаемая здесь рецензия в оригинальном первоисточнике подписана инициалами «Ф.Б.». Под этим «псевдонимом» публиковался в те годы известный русский писатель, журналист и издатель первой половины XIX века Фаддей Венедиктович Булгарин (1789-1859)., - В.Б.

в России – но вышло не так. С некоторого времени публика приметно охладевает к Русской Литературе, не слишком однако ж приклоняясь к иностранной. Ныне таков период. Подождем – пройдет! Первое издание, однако ж, разошлось, скоро и возбудило множество толков на счет автора, а еще более любопытства видеть *девицу-кавалериста*. В числе различных толков было много нелепого и много даже злого, ибо зависть не могла оставить в покое человека, о котором все говорят и которого читают. Пишущий сии строки знал лично многих из непосредственных начальников автора книги: *Кавалерист-девица*, знал многих товарищей автора, и ни от кого ничего, кроме хорошего и похвального. Прошло около тридцати лет от вступления автора-девицы в военную службу, и около двадцати четырех лет от отставки, и об этой храброй и умной девице вовсе не знали в свете, пока она сама не явилась в нем, с своею книгою. Это лучшее возражение противу всех выдумок злобы и зависти! Автор лихой кавалерист перед фрунтом, и скромная девица в частной жизни. Первый шаг ее в свете, т.е. вступление в службу, мы позволяем завистникам ее критиковать и называть необдуманном поступком, если они имеют столько духу, чтобы упрекать за этот поступок, искупленный отличною службою и долговременным честным и благородным поведением. Если бы автор знал, что его можно уличить в чемнибудь, то верно не издал бы в свет своей книги! Но кавалерист-девица, в простоте души своей, с солдатской откровенностью рассказала свои необыкновенные приключения, не оправдывая себя, не выходя, потому что чистая душа не может притворяться. Обстоятельства, делающие честь чувствованиям автора, заставили его выступать, быть может противу воли, на литературное поприще. Добрые друзья посоветовали девице-кавалеристу издать свои *Записки*, и она сделала это, никак не полагая, что сказав правду, ни для кого не оскорбительную, можно возбудить в ком то зависть!

Зависть автору не страшна, потому что книга *Девушка-Кавалерист* презанимательная, написана живо, ясно, наполнена любопытными приключениями и верными очерками военной жизни. Гораздо несноснее было для автора любопытство, которому он должен принести жертву. Множество лиц, различного звания, желали с ним познакомиться. Некоторое время он был тем, что в Англии называют *львом* (lion), т.е. диковинкою, которую все хотели видеть. Так точно в Англии рвались некогда, чтобы иметь у себя, на вечерах, Вальтер-Скотта, после первых его романов, и Россини, после первых его опер. Послушайте, что зять В.Скотта говорит об этом! Вальтер-Скотт очень хорошо знал, что общества, которые приглашали его, делали это из одного любопытства, и что они бросили бы его, и побежали смотреть жирафа или белого слона, если б они в это время привезены были в Лондон. Вальтер-Скотт по утрам хохотал, с приятелями, над этою смешной стороною городских обществ и был прав, а зять его собрал эти рассказы и поместил в своих Записках. *Девушка-кавалерист*, которую мы с этих пор станем называть Г-ном Александровым, издала об этом предмете небольшую книжку, о которой мы поговорим теперь.

Не называя лиц и даже не описывая их так, чтобы их можно было узнать, Г-н Александров рассказывает, каким образом, в течение года, его приглашали в общества, как принимали, и наконец, как провожали. Из наблюдений своих, Г.Александров извлек нравственный результат, а именно, что светские связи, не основанные на интересе, так же непрочны, как паутина, и что человек, обративший на себя внимание, чем бы то ни было, не должен жертвовать собою, для удовлетворения пустого любопытства толпы, если не хочет испытать толчка своему самолюбию. Г.Александров, по неопытности своей в светской жизни, верил, что в нем принимают участие добрые люди, искавшие его знакомства и приглашавшие к себе в гости. В пер-

вое посещение его обременяли ласками и вниманием, во второе его угощали холодной вежливостью, а в третье посещение старались от него отделаться, как от человека *не-нужного*. На этом основании автор составил множество занимательных домашних сцен и начертал, живою кистью, много характеров. Он списывал с натуры, и потому главное достоинство картин его – верность. Рассказ приятный. Это очерки нравов современных, которые легко читаются и невольно заставляют усмехнуться.

Г-н Александров издает ныне уже *третью* часть своих *Записок*, или продолжение сочинения *Кавалерист-Девуца*. Заглавие это, по правде сказать, несколько водевильное, придумали приятели Г.Александрова, и этим даже повредили книге, прикрыв истину романтическим названием. Теперь Г.Александров печатает просто свои *Записки*, или мемуары. Мы слышали, что они уже отпечатаны, в Москве и на днях будут в магазинах А.Ф. Смирдина. Тогда мы поговорим об них поподробнее. Сознаемся, что все, касающееся до этого автора, нас крайне занимает, во-первых, потому что Г-н Александров имеет дарование, во-вторых, что жизнь его исполнена необыкновенного и даже чудного; в-третьих, что этот автор пишет с благородною целью и для благородной цели. Его сочинения приятно читать и столь же приятно покупать, зная, что эти деньги пойдут на доброе дело. Дальнейших объяснений не нужно.

Ф.Б.

1.6. Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. Том 27. Издание книгопродавца Александра Смирдина. СПб., в типографии Эдуарда Праца и К°. 1838 Граф Мавриций. Рассказ Г.Александрова (Девушки-кавалериста) стр. 169-192⁶

ГРАФЪ МАВРИЦІЙ.

=

— Чтò такъ невесель , милый графъ?... Что за романическая прогулка!.... Одинъ , въ дремучемъ во-
льскомъ лѣсу!.. унылый видъ! потупленный взоръ!..
Это было бы хорошо, года три тому назадъ ; а теперь
счастливицу, побѣдившему всѣхъ своихъ соперниковъ ,
блистательному графу О-скому , супругу прелестной
графини О-ской , довольно смѣшно выходить съ та-
кимъ задумчивымъ видомъ изъ темнаго лѣсу.

О-скій отвѣчалъ только томною улыбкою.

— Чтò съ тобою въ самомъ дѣлѣ , Маврицій ! Здоро-
ва ли твоя графиня?... Ну , такъ отчего жъ лицо
твое возвѣщаетъ какія-то сердечныя муки?... Неуже-
ли чтò еще другое , кромѣ милой , прекрасной жены
можетъ такъ сильно занимать ?

— Оставъ меня , любезный Антоній !

— Прекрасно ! давно ли ваше сіятельство научились
выговаривать это обязательное слово «оставъ меня»?
Полно , О-скій , клянусь , мнѣ вовсе нѣтъ охоты шу-
тить !

— Это очень видно и безъ клятвы. Но чтò жъ такое
дѣлается съ тобою ? Неужели я не въ правѣ знать ? я ,
твой другъ отъ колыбели !.... Да чтò я заговорилъ тра-
гическимъ тономъ ? Этотъ шалуниъ можетъ-быть на-

⁶ Факсимильное изображение первой страницы рассказа Н.А.Дуровой в «Библиотеке для чтения...», - В.Б.